

А. Ерохин

Книга о «кёнигсбергском тексте»

Гильманов В. Х. Проблемы региональной литературы: «кёнигсбергский текст» как предмет художественного опыта: учебное пособие. Калининград; Изд-во РГУ им. И. Канта. 2010. 92 с. (Классика мировой литературы: интерпретации).

Книга В. Х. Гильманова «Проблемы региональной литературы: "кёнигсбергский текст" как предмет художественного опыта» является одновременно итогом и продолжением предыдущих книг автора¹, объединенных на этот раз общим «топографическим» контекстом — Кёнигсбергом-Калининградом. Книга обращена к «городскому тексту», ставшему за последние годы одним из наиболее разработанных и плодотворных направлений в российской гуманитарной науке. К хорошо исследованным «петербургскому» и «московскому» текстам В. Х. Гильманов добавляет «кёнигсбергский текст», тем самым существенно обогащая отмеченную традицию изучения городского текста и придавая ей во многом новое качество, которое обусловлено как спецификой избранного предмета, так и характером предлагаемого исследовательского подхода. «Немецкий» Кёнигсберг, рассматриваемый в пособии, интерпретируется как субстанциально сгинувший в трагических перипетиях истории. При этом «танатология» немецкого Кёнигсберга в книге Гильманова находится в весьма непростых отношениях с Калининградом российско-советским: Кёнигсберг-Калининград, казалось бы, должен связывать 1945 год не только с апокалипсисом, но и новыми надеждами, «мифологией победы». Тем не менее этого не происходит: вчерашние победители были, можно сказать, без оружия повержены новейшей историей, все тем же «внебытийным самодвижением» постмодернистской «хоры», в которой все «окончено», завершены все споры и диалоги (см. особенно главы, посвященные Гофману и Бобровскому). В таком смысле Калининград-Кёнигсберг с его, казалось бы, навсегда остановившимся «временем смерти» звучанием своего двойного имени может напомнить о странной химере музилевской Какании, также расположившейся на пересечении национальных, культурных и метафизических границ и, как Калининград-Кёнигсберг, выражающей некую осо-

¹ См.: Гильманов В. Х. Герменевтика «образа» И. Г. Гамана и Просвещение. Калининград, 2003; Гильманов В. Х. Симон Дах и тайна барокко. Калининград, 2007.

бую безнадежность и «оконечность» мира восточноевропейского (пруССкого, скифского или сарматского) «фронтира».

Автор не прощается до конца с надеждой, он рассчитывает на «чистые сердца», на евангельские заветы «русской идеи», выраженные Фёдором Достоевским в знаменитой пушкинской речи. Исторический Кёнигсберг, бывший частью немецкой культуры, становится в работе Гильманова своеобразным «островным» текстом в тексте русской культуры — во всяком случае герменевтическую позицию, представленную автором, можно было бы назвать религиозно-экзистенциальной, апокалиптической, в конечном итоге «русской». Это островное существование Кёнигсберга вызывает в памяти «эксцентричность» (Ю. М. Лотман) или пограничность другого «замышленного» российского города со своей особой миссией и с отчетливо иностранным, «немецким» акцентом — Петербурга.

Пограничное бытие Кёнигсберга-Калининграда в историческом пространстве-времени характеризуется автором как драматичный (чаще — трагический) спор «малого» и «большого», локального и универсального — скромной «тыквенной хижины» (Симон Дах) и амбициозного Кёнигсбергского замка. Еще раз напрашиваются аллюзии из «петербургского текста» — «Медный всадник» Пушкина с его противостоянием Евгения и Петра.

В контексте таким образом поставленного вопроса о «кёнигсбергском тексте» можно говорить о парадоксе Кёнигсберга, который вовлечен в «злобу дня» и одновременно делает апокалиптически прозрачной «букву» истории, «снимая» размеренную позитивистскую смену стилей и направлений (Дах — барокко, Гаман и Кант — Просвещение, Гофман — романтизм, Бобровский — литература после 1945 года) в предельной напряженности «последних вопросов».

В перечисленном — истинная «со-временность» книги В. Х. Гильманова, которая также гарантируется нечастым сегодня синтетическим подходом, предполагающим высокий профессионализм философа, историка и филолога. Хотелось бы также отметить помимо бесспорной германистической эрудиции превосходную осведомленность автора в русской религиозной философии, богословии и библеистике. Сложный, порой загадочный и, казалось, с трудом согласующийся материал у Гильманова подчинен основной цели — стремлению к герменевтической ясности. Проблемы, поставленные немецкими, кёнигсбергскими писателями и мыслителями, оказываются наделенными особой логикой, ведущей — через посредство «русской точки зрения» — к «последней ясности» «эсхатологического горизонта» постистории.

В свете вышесказанного очевидно, что учебное пособие имеет большую познавательную и, что немаловажно, воспитательную ценность и будет полезно не только для студентов, но и для специалистов и всех, интересующихся широким кругом гуманитарных проблем. Удачным также представляется размещение в конце книги доступного и в то же время профессионально составленного «Словаря терминов и понятий», взятых преимущественно из области богословия и философии.